

АННА ПЛАТУНОВА
НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

КЛИНИКА
НА ЗМЕИНОЙ
ГОРЕ

МОСКВА

Колдовские
МИРЫ

АННЫ ПЛАТУНОВОЙ

КОЛДОВСКИЕ
МИРЫ
АННЫ ПЛАТУНОВОЙ

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНИХ!
ЛЮДЕЙ ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ

ГЕРЦОГИНЯ ИЩЕТ РАБОТУ!

ЗАБЕРИ МОЮ ЖИЗНЬ

ЗАКЛЯТИЕ НА ЛЮБОВЬ

СДЕЛКА С ДЖИННОМ

КЛИНИКА В ГОБЛИНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

КЛИНИКА НА ЗМЕИНОЙ ГОРЕ

АННА ПЛАТУНОВА
НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

КЛИНИКА
НА ЗМЕИНОЙ
ГОРЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платунова, Анна.

ПЗ7 Клиника на Змеиной горе / Анна Платунова, Наталья Шнейдер. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-215922-0

Нашей дочери грозит опасность. Мы с мужем сделаем все, чтобы защитить нашего ребенка. Бросим столицу и безбедную жизнь и спрячемся в провинциальном городке. Никто не узнает, что Грейс и Ланселот Даттон — аристократы и целители...

Вот только последнее скрыть сложнее. Ведь жителям Змеиной горы — оркам, гоблинам, оборотням — очень нужна наша помощь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платунова А.С., текст, 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-215922-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

— До свидания, монна Даттон.

Ночной охранник привстал со своего места и раскланялся со мной. Зеленая физиономия орка расплылась в приветливой улыбке, обнажившей подточенные клыки.

— Доброй ночи, Фрибс.

Я хотела закончить сегодня пораньше, чтобы успеть уложить Лори спать, но, как это обычно бывает, спокойный день закончился неприятностями, которые посыпались как из рога изобилия. Сначала господин Таббрис притащил за загривок сынишку, который, по его мнению, наелся ядовитых ягод. Мальчишка отказывался сменить ипостась, прятался под кушетку, огрызался, щелкал зубами, пришлось выманивать его тряпичной куколкой Глории: дочь засунула ее ко мне в сумочку и забыла. Малыши-оборотни любят такие игрушки. Пока Йок трепал ее, я провела диагностику.

— Все в порядке, господин Таббрис, — уверила я испуганного отца. — От пары ягод вреда не будет. Сейчас я дам вам микстуру, пусть мальчик примет две ложки на ночь. И прошу, следите за тем,

чтобы он больше времени проводил в человеческой ипостаси.

— Да, да, знаю, — вздохнул оборотень. — Но он так любит чувствовать себя волком. Хотя это тормозит развитие...

Едва я распрощалась с пациентами, как появилась пожилая гоблинка, госпожа Лукут. Она была уверена, что сломала руку. К счастью, оказалось, что это растяжение. В своем почтенном возрасте госпожа Лукут не оставила прежние привычки: она собирала яблоки в своем саду, ветка подломилась, и гоблинка упала на землю.

Пока я накладывала тугую повязку, сплетая заживляющее заклинание, часы на ратуше пробили девять вечера.

Бедная Лори, снова ляжет спать под присмотром нянюшки. Горе-родители заняты с утра до вечера. Мы с Лансом стараемся укладывать дочь хотя бы по очереди, но сегодня муж допоздна на заседании Совета.

Когда я приеду, малышка будет видеть десятый сон. Ничего, завтра утром позавтракаем вместе...

Я уже спускалась по ступенькам, когда мысли прервал пронзительный писк сигнального артефакта. Я вытащила из кармана кристалл кварца, мерцающий алым. Случилось что-то плохое!

Няню, госпожу Клэри, нельзя назвать паникершей. Она ни за что не стала бы беспокоить меня на работе из-за пустяков. Я помню один-единственный раз, когда добропорядочная гномиха вызвала меня посреди дня: у Глории появилась

сыпь и поднялась высокая температура — оказалось, дочь подхватила ветрянку.

Что же сейчас произошло? Упала? Порезалась? Потерялась?

Я додумывала уже на бегу. Кольцо на указательном пальце правой руки сняло защиту с двери мобиля. Я прыгнула на сиденье и тут же вдавила педаль в пол, переключая рычаги. Хорошо все-таки, что Ланс настоял, чтобы я выучилась водить! А потом подарил самую безопасную и новую модель. Подумать только, когда-то мобили казались мне недоступным чудом, а теперь я сама с легкостью управляю самодвижущимся механизмом.

Я кинула кристалл кварца на соседнее сиденье. Он по-прежнему пищал и светился — значит, няня не отключила сигнал.

— Что же там у вас происходит? — бормотала я, пристально глядя на дорогу.

Хотя краем глаза нет-нет да косилась на артефакт и поэтому едва не врезалась на повороте в фургон зеленщика.

«Проклятие! Надо собраться! Чего я паникую? Там охраны полон дом!»

После того как начались нападения на родственников членов Совета, граф Даттон потребовал, чтобы мы перебрались в их дом, и Ланс впервые не стал возражать отцу. Родовое имение Даттонов — почти неприступный бастион: высокие стены, охранные артефакты и хорошо обученные телохранители. Не стоит волноваться!

Однако, как только я миновала ворота, распахнутые настежь, стало понятно, что волновалась я не напрасно.

Подъездная аллея огибала левое крыло здания. Там, в левом крыле, на втором этаже располагались наши с Лансом комнаты и детская Лори.

Я подняла глаза на окно, закричала и изо всех сил втопила в пол педаль тормоза. Рванула дверцу мобили и едва не вывалилась на дорогу, но тут же, подхватив длинный подол, рванула к дому.

Окно детской оказалось открытым, занавеска сорвана. Мы всегда закрываем окна. Ланс даже наложил дополнительное заклинание — когда шаловливые ручки Глории тянулись к окну, оно говорило строгим голосом Ланса: «Ай-яй, малышка, отойди подальше!»

Под окном в траве кто-то лежал без движения.

— Нет, нет, нет... — шептала я.

Подбежала ближе и испытала одновременно огромное облегчение и шок. На траве лежал один из телохранителей — молодой гоблин. Он был мертв. Никто бы не выжил после таких ранений: разорвана грудная клетка, да так, что торчат осколки ребер.

Я проглотила рвущийся наружу испуганный крик и поборолла минутную слабость. Сейчас я не женщина — я целитель.

Я проверила сердцебиение и дыхание. Нет, парню уже не помочь.

Я задрала голову к окну, борясь с искушением позвать дочь. Бросилась обратно к мобиле — так

быстрее, чем бегом. Колеса со свистом затормозили у крыльца, вырывая из земли фонтан мелких камушков и песка.

Я кинулась в дом. В холле, в гостиной — темно-та, не горит ни один светильник. Слуги в это время уже расходятся по комнатам. Надеюсь, поэтому в доме так тихо...

Я побежала по лестнице на второй этаж, по пути сотворив светлячка, чтобы освещать дорогу. Сердце колотилось, но разум приобрел невероятную ясность. Что бы там ни произошло, я должна сохранять спокойствие, чтобы помочь дочери.

Я толкнула дверь, ведущую в коридор, где располагались наши комнаты, и почти сразу натолкнулась на распростертое на полу тело — снова охранник. Изуродован. Мертв.

Я закусила губу, чтобы не начать истерически звать Глорию, и осторожно пошла вперед.

Из детской Лори сквозь распахнутую дверь лился уютный свет ночника. Царила обманчивая тишина, и если бы не тело охранника в коридоре, я бы могла подумать, что все в порядке.

Я несколько раз вдохнула, сжала кулаки и переступила порог.

Первое, что бросилось мне в глаза, — кровь. На стенах, на полу, на розовом детском покрывале. Взгляд выхватил тело няни, брошенное у стены, как сломанная кукла. У противоположной стены лежал еще один телохранитель.

В центре комнаты на белом ковре с мягким длинным ворсом чернела клякса. Клякса издава-

ла чавкающие звуки. Я моргнула, и зрение обрело резкость.

Не клякса. Какая-то тварь, похожая на огромную летучую мышь. Она припала к полу, ее черные кожистые крылья подрагивали, длинные когти на концах крыльев, оба размером с охотничий кинжал, упирались в пол.

Из-под края черного крыла высовывалась рука. Тонкая детская ручка.

Я дико закричала и ударила чистой магией: времени на сплетение заклинаний не было. Я билa изo всех сил, насмерть. Любoму другому существу этот удар раздробил бы позвоночник и сломал шею!

Тварь смело в сторону окна. Она подняла треугольную морду и зашипела. С острых клыков капала кровь. Я едва успела рассмотреть это чудовище — узкая морда, горящие ненавистью красные глаза, тонкие щели ноздрей вместо носа.

Я ударила снова и увидела, что в кожаном крыле появилась прореха, которая тут же заполнилась черной кровью.

Тварь заверещала, вскочила на подоконник и, распахнув крылья, хотела было взлететь, но из-за ранения не смогла, рухнула вниз со второго этажа.

— Глория!

Я кинулась к дочери и, упав рядом на колени, принялась водить ладонями по маленькому телу: вливала силы и одновременно отыскивала раны.

Жива. Сердце бьется. На шее самая большая рана, оставленная клыками. Потеряла много крови. Сломанная нога — пустяки.

— Ничего, ничего, — бормотала я. — Ничего. Держись, моя Репка.

Голова отчаянно кружилась: я потратила почти всю магию.

Как же нужен сейчас Ланс! Но он на собрании совета и едва ли в курсе произошедшего... Я вот-вот потеряю сознание, и кто тогда поможет Лори?

2

— Слово предоставляется мэтру Ланселоту Даттону, — объявил лорд-канцлер.

Ланс занял место за трибуной. Ему не нужно было оглядываться, чтобы увидеть неодобрение во взгляде отца.

«Когда ты наконец повзрослеешь!»

Он распрямил плечи, вдохнул.

— Господин лорд-канцлер, господа, Совет...

«Никогда, — в который раз подумал он. — Если повзрослеть означает сдаться, то никогда».

— Сегодня нам предстоит принять решение, чрезвычайно важное для простых жителей нашей страны. Это решение, если оно будет принято, поможет им справиться с тяжелейшими бедами, которые нам с вами даже представить трудно — всю правду о них знают лишь те, кто пережил их сам.

Ланс репетировал эту речь не раз и не два, голос лился ровно и звучно, а что сидящие в зале, казалось, слились в одного многоголового слушателя — так это пройдет. Лет двадцать политической карьеры, и он перестанет волноваться, выступая перед Советом.

— Каждый год в нашей стране две тысячи разумных погибают на производстве, а еще сто пятьдесят тысяч получают травмы различной степени тяжести. Масштабы трагедии поистине ужасают: ни одно, даже самое кровопролитное сражение за всю историю разумных рас не становилось причиной такого колоссального количества жертв.

«Невозможно в одиночку перевернуть мир!» — раз за разом твердил лорд-канцлер. «Но можно сделать его хоть немного лучше», — неизменно отвечал Ланс.

— При этом я вовсе не берусь утверждать, будто все работодатели — злодеи и никто из них никогда не проявлял участия и доброты по отношению к своим работникам, однако предлагаемая нами мера призвана придать зыбучим пескам добровольной благотворительности гранитную твердость закона...

Лорд-канцлер постучал молотком:

— Прошу прощения, мэтр Даттон, я вынужден вас прервать.

Зал загудел — это было неслыханным нарушением всех традиций.

— Господа, Совет, приношу свои извинения, я вынужден сделать перерыв в связи с... по состоянию здоровья. Возраст подкидывает неприятные сюрпризы.

Только годами тренированная выдержка позволила Лансу удержать лицо. Отец вовсе не был стар, а здоровью его и многие молодые могли бы позавидовать.

Из зала донеслись недоуменные возгласы, которые лорд-канцлер предпочел не слышать.

— Мэтр Айбот, замените меня, — сказал он.

— Вызвать целителя? — спохватился заместитель.

Граф Даттон-старший слабо улыбнулся:

— Не стоит, целитель уже здесь. Мэтр Даттон, будьте добры.

— Да, конечно.

Ланс по-прежнему ничего не понимал, но отец вряд ли решился бы нарушить все приличия только для того, чтобы не дать партии сына убедить Совет принять новый закон. Он посмотрел в зал, нашел взглядом нужного чело... орка.

— Мэтр Кох, это ваше детище. Прошу вас, а мне придется вспомнить, что я не только политик.

Поднимаясь из-за стола, отец тяжело оперся о его локоть дрожащими пальцами, и Ланс не на шутку встревожился. Потянулся к диагностическим плетениям.

— Не сейчас, — еле слышно шепнул лорд-канцлер. — Сработал сигнальный артефакт.

В груди смерзся ледяной кристалл. Девочки дома одни!

Нет, не одни. В особняке дежурят шесть охранников, а защитные заклинания вокруг здания и на ограде отбросят любого, кто попыбует их взломать. Особо непонятливого, решившего повторить попытку, и вовсе испепелят.

И все же случилось что-то, что заставило начальника охраны вырвать своего работодателя с заседания Совета, а отца — бросить все и помчаться домой.

Едва они покинули зал, рядом словно ниоткуда соткался секретарь.

— Мой мобиль — немедленно к входу, охране — боевая готовность, — скомандовал лорд-канцлер. — Каждого, кто попытается помешать, — убратъ с дороги любым способом.

Секретарь сорвался с места сперва на двух ногах, через несколько шагов уже мчался на четырех, и Ланс отчаянно ему позавидовал. Он сам готов был бежать домой, но мобиль быстрее человеческих ног.

— Не знаю, что там случилось, но Экхарт никогда не тревожил меня зря. — Отец тоже прибавил шаг. Потер грудь, но, едва Ланс снова потянулся к диагностическим заклинаниям, рывкнул: — Дома! Всё дома!

Мобиль рванул с места, едва Ланс захлопнул дверцу. Полетел по улицам, отчаянно сигналиа — горожане, прогуливавшиеся перед сном, еще не успели разбрестись по домам. Завтра все газетчи-